

УДК – 347
БК – 67.404

КУЛИЕВА М.М.,
магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель:
Рахматулина Римма Шамильевна,
кандидат юридических наук, доцент

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье сравниваются отечественный и зарубежные подходы к определению пределов осуществления интеллектуальных прав, рассматриваются существующие в России механизмы ограничения интеллектуальных прав, анализируется соответствующая российская судебная практика.

Ключевые слова: ограничение интеллектуальных прав, принудительное лицензирование, антимонопольное регулирование, осуществление интеллектуальных прав.

KULIEVA M.M.,
undergraduate law faculty of Department in
«Financial University under the Government of the Russian Federation»

Supervisor:
Rakhmatulina Rimma Shamil'evna,
candidate of legal Sciences, associate Professor

ACTUAL PROBLEMS OF INTELLECTUAL PROPERTY COMPULSORY LICENSING IN RUSSIA

Abstract. This article perform a comparison of the domestic and foreign approaches to defining the limits of the intellectual property rights, an issue on the existing Russian mechanisms for intellectual property rights restricting as well as Russian judicial practice in this sphere.

Keywords: intellectual property rights restricting, compulsory licensing, antitrust regulation, exercise of intellectual property rights.

Одной из ключевых проблем в рамках регулирования интеллектуальной собственности является соблюдение баланса частных и публичных интересов. Особенность объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС), выраженная в их доступности вне зависимости от потребления, раскрывает их социально-экономический эффект (технические решения позволяют удовлетворить потребности неограниченного числа лиц). Вместе с тем патентная защита блокирует доступ общественности к тем или иным благам, что не только тормозит инновационное развитие государства (создание но-

вых продуктов зачастую требует консолидации целого ряда защищенных патентами разработок), но и ограничивает, по мнению ряда авторов, право человека на здоровье (речь идет о фармацевтике). С другой стороны, патентообладатели заинтересованы в эксклюзивности использования разработки, а ее ограничение может повлиять на уход организаций с российского рынка, что также лишит граждан доступа к общественно полезным результатам интеллектуальной деятельности.

Прежде чем дать оценку тому или иному способу урегулирования конфликта указанных интересов, необходимо рас-

крыть подход законодателя к данной проблеме.

Главным инструментом, защищающим публичные интересы в сфере интеллектуальной собственности, является институт принудительного лицензирования. Данный институт основан на положениях п. А (2) ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности [11] и ст. 30, 31 и 40 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [18, с. 2818–2849] (далее – ТРИПС). В частности, ст. 31 ТРИПС охватывает процедурную сторону предоставления принудительной лицензии, приводя в качестве материальных оснований антиконкурентные действия и необходимость доступа к разработке обладателем прав на зависимый патент. Статья 30, в свою очередь, содержит довольно размытую формулировку, допуская исключения из исключительных прав при условии, что они «необоснованно не вступают в противоречие с нормальным использованием патента и необоснованно не ущемляют законные интересы патентовладельца, учитывая законные интересы третьих лиц». При этом обходится вниманием вопрос целей, достижение которых вызывает необходимость пренебрежения в определенной мере интересами патентообладателя.

Соотношение ст. 30 и 31 ТРИПС раскрывается в формулировке ст. 31 «Другие виды использования без разрешения патентовладельца», т.е. иные, чем указанные в ст. 30. Однако ст. 30 не дает конкретного ответа на вопрос, какие случаи использования ОИС она охватывает и, в частности, применима ли норма к принудительному лицензированию.

Единственная норма ТРИПС, вносящая ясность в вопрос ограничения исключительного права государствами, содержится в ст. 40. В ней предусмотрена возможность указания государствами-членами в национальном законодательстве видов лицензионной практики или условий, «которые в отдельных случаях могут являться злоупотреблением правами интеллектуальной собственности, имея неблагоприятное воздействие на конкуренцию на соответствующем рынке». При этом в статье не приводятся какие-либо способы пресече-

ния такой практики. Системное толкование данных статей ТРИПС позволяет предположить, что таким способом выступает принудительное лицензирование.

В российском законодательстве возможность применения принудительной лицензии предусмотрена в ст. 1239 Гражданского кодекса Российской Федерации [8] (далее – ГК РФ).

Статья 1362 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований предоставления судом принудительных лицензий. Пункт 1 относит к таким основаниям отказ правообладателя от заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике, если им не используются либо недостаточно используются ОИС в течение определенного срока и это приводит к недостаточному предложению товаров, работ или услуг на рынке. Указанная норма направлена на стимулирование эффективного осуществления исключительных прав.

В пункте 2 выделено такое основание для принудительного лицензирования, как невозможность использования ОИС правообладателем без нарушения прав обладателя другого патента, отказавшегося от заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике, при особом характере зависимого изобретения, представляющего собой важное техническое достижение, имеющее преимущество перед первым патентоохраняемым объектом. Норма нацелена на обеспечение как общественного интереса в развитии инновационной системы, так и частного (на развитие конкуренции). Недостатком данной нормы, на наш взгляд, является абстрактность понятия «важное техническое достижение», подходы к раскрытию которого судебной практикой еще не выработаны.

Кроме того, в ст. 1360 предусмотрено право Правительства Российской Федерации в интересах обороны и безопасности разрешить использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации.

Согласно п. 6 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [19], национальная безопасность Российской Федерации – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности». Как видно, определение довольно широкое, в частности, слова «достойное качество и уровень жизни», «реализация конституционных прав и свобод граждан» могут трактоваться вариативно.

Правила, сформулированные в ст. 1360, 1362 ГК РФ, вызывают острые дискуссии. Это связано прежде всего с подготовкой Федеральной антимонопольной службой России (далее – ФАС) проекта закона о принудительном лицензировании в сентябре 2016 г. ФАС предлагает предоставить Правительству РФ полномочия разрешать использование разработок без согласия патентообладателя с выплатой ему компенсации. При этом в качестве механизма реализации идеи выступает введение в Гражданский кодекс закрытого списка условий принудительного лицензирования – **установление монопольно высокой цены**, изъятие товара из обращения или остановку его производства, которые должны быть зафиксированы ФАС [12]. При этом механизм принудительного лицензирования может использоваться «в интересах охраны жизни и здоровья граждан» (дополнение к формулировкам ст. 1360 ГК РФ) – очередная широкая формулировка, действие которой можно распространить

не только на фармрынок, но и на соцсферу, агрокомплекс, ЖКХ, смежные отрасли промышленности. Таким образом, положения Закона «О защите конкуренции» [21] (далее – ЗоК) будут распространяться на отношения, связанные с принудительным лицензированием ОИС.

Сторонники широкого использования института принудительного лицензирования в наиболее остро затрагиваемом общественные интересы фармацевтическом секторе обычно приводят в качестве примера подход США [20]. В Патентном законе США [27] основанием принудительного лицензирования служит отказ в предоставлении лицензии на патентоохраняемый объект, что создает условия для широкого толкования нормы судами. Принудительное лицензирование, как правило, применяется при отказе патентообладателя предоставлять доступ к ОИС, являющемуся основным ресурсом (*essential facilities doctrine*). В деле «MCI v. ATT» судом были обозначены четыре условия выдачи принудительной лицензии на базе доктрины необходимого ресурса: 1) контроль основного ресурса монополистом; 2) практическая неспособность конкурента дублировать такой ресурс; 3) запрет на использование объекта конкурентом; 4) возможность предоставления ресурса патентообладателем [23]. Аналогичная позиция содержится в деле «Otter Tail Power Co. 25»: «...компания, контролирующая инфраструктуру и активы, которые другие компании могут использовать для того, чтобы конкурировать, обязана предоставить лицензию» [24].

Однако, на наш взгляд, приверженцы данной позиции упускают из вида особенности экономического развития США, где рынок оригинальных лекарственных препаратов значительно шире, а фармацевтические компании имеют серьезное влияние на регулирование сферы интеллектуальной собственности. Слепое копирование зарубежного подхода без учета экономических факторов может привести к уходу иностранных компаний с российского рынка после введения новых ограничений (определенные препятствия создает и действующая процедура обязательной сертифици-

фикации в фармацевтическом секторе). При этом существует вероятность, что отечественные компании, получившие патент, не смогут создать качественного аналога.

Обеспокоенность возможными последствиями принятия законопроекта также была выражена экспертами. Так, заместитель председателя Правительства РФ А.В. Дворкович считает, что «эта мера может серьезно изменить имидж страны и качнуть в другую сторону те немногие каналы, через которые еще идет инвестирование в Россию. Если речь идет о препарате абсолютно инновационном, то основным станет вопрос: можно ли, не имея полной документации и технологической схемы, выпускать его с надлежащим качеством? К сожалению, опыт принудительного лицензирования в Бразилии показал, что ожидания технологических возможностей собственного производителя были завышены» [9]. Схожей позиции придерживается и профессор по вопросам интеллектуальной собственности Университета Маастрихта М. Пугач [9], отмечающий недостаточное нормативно-техническое оснащение локальных отечественных производителей для обеспечения процесса производства в соответствии с международными нормами качества. Президент некоммерческого партнерства «Объединение корпоративных юристов» А.К. Нестеренко связывает формальное нарушение прав интеллектуальной собственности с невозможностью фармпроизводителей покрыть издержки на разработку инновационных препаратов и продолжить исследования [10]. Данной оценки придерживаются и иные эксперты (М. Велданова, Ю. Мочалин и др.).

На наш взгляд, наиболее оптимальным является алгоритм, использованный немецкими судами в деле «Полиферон» [22]. Статья 24 Патентного закона Германии [25] содержит схожую с отечественной норму, позволяющую предоставлять неисключительную лицензию на ОИС, если лицо, желающее их использовать, в течение разумного периода времени пыталось получить согласие патентообладателя на подобное использование на разумных, обычно устанавливаемых в подобных случаях услови-

ях и предоставление лицензии отвечает общественному интересу. В рамках указанного дела производитель препарата «Полиферон», не обладающий патентом на него, получив отказ не сертифицировавшего данный продукт правообладателя в предоставлении лицензии, обратился в суд с требованием предоставить лицензию принудительно. В качестве аргумента производитель ссылался на то, что «Полиферон» является единственным доступным лекарственным препаратом в борьбе с отдельными видами артрита, что подразумевало общественный интерес к выдаче лицензии. Решение федерального патентного суда, удовлетворившего требования истца, было впоследствии отменено Верховным судом ФРГ по причине отсутствия в деле данных о существенном значении «Полиферона». При этом судом был сделан ряд выводов, имеющих принципиальное значение. Суд подчеркнул, что общественный интерес может иметь технический, экономический, социальный и медицинский аспекты. Подход к квалификации конкретных социально-экономических потребностей в качестве общественного интереса в контексте ст. 21 Патентного закона оказался довольно строгим: такие потребности должны быть актуализированы и существенны, а у патентообладателя объекта должны отсутствовать альтернативы удовлетворения подобных интересов.

Примечательно и дело «Standard-Spundfass» [26], в котором суд, опираясь на сформулированную в деле «Полиферон» правовую позицию, установил, что § 24 Патентного закона не предусматривает принудительного лицензирования в целях обеспечения конкуренции, а сам патент не обеспечивает доминирующее положение обладателя на рынке. При этом суд также указал, что принудительное лицензирование такого рода возможно при наличии дополнительных условий на основании ст. 20 Закона об ограничении конкуренции.

Таким образом, в немецкой практике используется довольно осторожный подход: вопросы интеллектуальной собственности не рассматриваются через призму антиконкурентного законодательства, тем

самым обеспечиваются базовые принципы данного института. Кроме того, заслуживает уважения стремление Верховного суда ФРГ раскрыть понятие общественного интереса как основание принудительного лицензирования.

Автор поддерживает позицию А.С. Ворожевич, считающей, что важность технического достижения, имеющая преимущество перед первым патентоохраняемым объектом (одно из действующих условий принудительного лицензирования в России), должна раскрываться в контексте создания инновационного продукта нового поколения, а не возможного ограничения конкуренции [6]. Такой подход обеспечивает баланс частных и публичных интересов. В рамках регулирования принудительного лицензирования в интересах национальной безопасности следует действовать осторожно: выделить критерии использования данного института на законодательном уровне. В целом автор считает, что действующий механизм принудительного лицензирования обеспечивает баланс частных и публичных интересов, законопроект, подготовленный ФАС, создает большие риски для обеих сторон и потому не рассматривается как целесообразный.

В свою очередь, практика применения российскими судами антиконкурентного законодательства в сфере осуществления исключительных прав также показывает тенденцию к ограничению прав правообладателя.

Так, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 10 ЗоК лицам, занимающим доминирующее положение на рынке, запрещается заявлять «экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара». Из указанной нормы существует исключение: в силу ч. 4 данной статьи, указанные требования «не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или

услуг». Исходя из буквального толкования нормы даже в случае признания производителя монополистом на определенном рынке товара действие нормы п. 5 ч. 1 указанной статьи на него все равно не будет распространяться, поскольку он одновременно является правообладателем соответствующего ОИС (патент, товарный знак), посредством использования которого произведен товар.

Однако ФАС и суды трактуют ч. 4 ограничительно, что прослеживается, например, в делах «Тева» [13], «Авиастроительная корпорация «Русич»» [14], «Гугл» [16], из которых вытекает следующее:

1. Норма ч. 4 применяется лишь при передаче (предоставлении) контрагентам интеллектуальной собственности и не распространяется на оборот товаров (вещей), созданных с использованием результатов интеллектуального труда. Иными словами, *«вопрос распоряжения IP подменяется вопросом распоряжения товарами с IP. В последнем случае статью 10 Закона о конкуренции применять можно, поскольку речь идет уже о вещах»* [17]. Данной позиции придерживается и ФАС [15, с. 8].

2. Понятие **«осуществление исключительных прав»**, используемое в ч. 4, следует понимать как **«распоряжение исключительными правами»**, главным образом как предоставление таких прав на основании лицензионного соглашения или договора об отчуждении исключительного права (ст. 1233 ГК РФ).

Так, в деле Авиастроительной корпорации «Русич» суд указал: «Доводы заявителя о том, что отношения сторон подпадают под ограничение, предусмотренное положениями пункта 4 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции», требования указанной статьи о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом, доминирующим положением не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг – **отводятся судом, поскольку предлагаемый Заявителем товар является вещью, кото-**

рая была произведена при использовании результатов интеллектуальной деятельности. Из договора (...) не следует, что Заявитель передает или разрешает своему контрагенту использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации».

Этот аргумент также используется в деле «Тева»: «Как следует из рамочного соглашения (...), предметом договора является поставка лекарственного средства «Копаксон». В силу этого, следует согласиться с тем, что **Компания «Тева», продавая маркированный ее товарным знаком на первичной упаковке товар, не передает покупателю этого товара права использования этого товарного знака.** Порядок ввода в оборот на территории Российской Федерации приобретаемого товара, маркированного товарным знаком компании «Тева», не может подменять собой правовое содержание договора – поставку компанией «Тева» лекарственного средства «Копаксон»».

В деле «Гугл» суд уже ссылается на дело «Тева»: «Заявителями приведены доводы о том, что договоры МАДА являются лицензионными, по ним передавались лицензии со сроком действия в отношении прав интеллектуальной собственности производителям, в связи с чем, в силу ч. 4 ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции», требования настоящей статьи не распространяются на рассматриваемые правоотношения. Суд, проанализировав условия договоров (...), приходит к выводу, что **данными соглашениями урегулированы как вопросы лицензирования, так и вопросы поставки, распространения, внедрения продукта с определением ограничительных условий именно в части распространения.** Поскольку договоры (...) являются смешанными, условия, не относимые к лицензионным, должны соответствовать установленным антимонопольным законодательством требованиям. В данном случае суд принимает во внимание правовую позицию, изложенную в постановлении ВС РФ от 09.11.15 № 305-КГ15-7123».

Это означает, что предусмотренная в ч. 4 ст. 10 ЗоК защита не распространяется на правоотношения, где производитель не

связан лицензионными отношениями с третьими лицами, но поставляет товар дистрибьюторам или лицам, намеренным ими стать, а также если лицензионные отношения существуют, но договор также предусматривает условия, касающиеся «поставки, распространения, внедрения продукта».

В свою очередь, в ч. 4 ст. 10 ЗоК используется понятие «осуществление исключительных прав», а не «распоряжение» (заключение лицензионных соглашений или договоров об отчуждении прав – ст. 1233 ГК РФ). В науке выработаны следующие подходы к определению понятия «осуществление гражданских прав» (ст. 9 ГК РФ [7]): это «реализация, превращение в действительность управомоченным лицом (его представителем) возможностей (правомочий), составляющих содержание конкретного права» [1] https://zakon.ru/blog/2016/04/21/interesno_devki_plyashut_ili_esche_raz_pro_ch_4_st_10_zakona_o_konkurencii_ftn10; «реализация возможностей, заключенных в ... субъективных гражданских правах» [3]; «реализация правомочий, достижение определенного результата, удовлетворение интереса, заключенного в принадлежащем субъекту праве» [2]. Поэтому **осуществление** исключительных прав подразумевает в первую очередь **использование** правообладателем результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации по своему усмотрению, любым законным способом как самостоятельно, так и посредством передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности иным лицам (ст. 1229, 1270, 1484, 1358 ГК РФ). Иными словами, понятие «осуществление исключительных прав» включает в себя «распоряжение исключительными правами», но не ограничивается данной категорией.

По мнению В.А. Белова, «содержание исключительных прав... сводится, главным образом, к правомочию их обладателя воспроизводить соответствующий объект, **вводить изготовленные таким образом экземпляры объекта в гражданский оборот, а также разрешать совершение этих действий другим лицам**» [4].

Законодатель придерживается этого же подхода: в силу ст. 1484 ГК РФ, «лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит **исключительное право использования** товарного знака (...) любым не противоречащим закону способом (исключительное право на товарный знак) (...); 2. **Исключительное право на товарный знак может быть осуществлено** для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности, путем размещения товарного знака: 1) на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, **предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации**». Из буквального толкования нормы следует, что исключительное право на товарный знак есть право его использования. При этом осуществление права происходит, в том числе, посредством введения ОИС в гражданский оборот. Осуществление права как более широкое понятие включает в себя реализацию всех правомочий правообладателя, предусмотренных законодательством, в том числе возможность использования ОИС (т.е. извлечения пользы, выгоды). По логике судов в приведенной выше российской практике распоряжение товарами с ОИС не является осуществлением интеллектуального права. Тем самым такой способ осуществления исключительного права, как размещение товарного знака при продаже товаров, фактически игнорируется.

Указанный подход находит отражение и в ст. 1358 ГК РФ, согласно которой **использованием** патента (что образует исключительное право на патент), в частности, является ввоз на территорию РФ, изготовление, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использован патент. Эта же позиция лежит в основе концепции «первой продажи» и исчерпания

исключительных прав (ст. 1487, 1359 ГК РФ). Поэтому первая продажа материального объекта, созданного с использованием результатов интеллектуальной деятельности, напрямую связана с осуществлением правообладателем своих прав. Использование результатов интеллектуальной деятельности не сводится к его воспроизведению, это также действия, которые позволяют получать с его помощью прибыль [5].

Таким образом, по мнению автора, ч. 4 ст. 10 ЗоК распространяется и на поставки товара, так как правообладатель, осуществляя свои права, получает прибыль не только путем заключения лицензионных соглашений, но и посредством продажи товара с использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Видится, что в судебной практике подмена понятия «осуществление» интеллектуального права понятием «распоряжение» товарами с ОИС неудачна с точки зрения юридической техники, поскольку приводит к разным толкованиям одного и того же термина в рамках ГК РФ и ЗоК.

Очевидно, что указанная позиция российских судов связана с риском злоупотребления правами правообладателей, использующих товары с ОИС в гражданском обороте, поскольку буквальное толкование ч. 4 ст. 10 ЗоК позволяет избежать ответственности, «прикрываясь» осуществлением интеллектуальных прав. Однако данная проблема должна разрешаться в рамках правового поля и с соблюдением правил формальной логики: ограничительное толкование нормы, противоречащее системному и буквальному толкованию законодательства, представляется недопустимым. Выходом из ситуации может служить внесение поправки в текст указанной нормы, замена категории «осуществление исключительных прав» категорией «распоряжение исключительными правами».

Список литературы:

[1] Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Моро-

зов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрина Е.Г., Юдина А.Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // СПС «Консультант Плюс». 2014.

[2] Алексеев С.С., Васильев А.С., Голофаев В.В. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / Под ред. С.А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009.

[3] Барков А.В., Габов А.В., Голубцов В.Г. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к главам 1–5 / Под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

[4] Белов В.А. Исключительные права и конкуренция // Законодательство. 2013. № 12.

[5] Белова М. Интересно девки пляшут, или Еще раз про ч. 4 ст. 10 Закона о конкуренции / [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2016/04/21/interesno_devki_plyashut_ili_esche_raz_pro_ch_4_st_10_zakona_o_konkurencii.

[6] Ворожеевич А.С. Условия принудительного лицензирования: международный и национальный аспект // Вестник ФАС Московского округа. 2015. № 2.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // Парламентская газета. 21.12.2006. № 214, 215.

[9] Интернет-портал «Российской газеты»: Принуждения не будет // [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/05/17/v-rossiine-budut-vvodit-prinuditelnoe-licenzirovanie-lekarstv.html>.

[10] Исследовательская компания «Abercade»: ФАС настаивает на принудительной передаче патентов на лекарства // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abercade.ru/research/industrynews/15499.html>.

[11] Конвенция по охране промышленной собственности // Закон. 1999. № 7.

[12] НП «ФармАкта. Качество и Стандарты»: ФАС подготовила проект закона о принудительном лицензировании // [Электронный ресурс]. URL: <http://pharmacta.ru/news.php?id=6249>.

[13] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2014 № 09АП-34696/2014 по делу № А40-42997/2014.

[14] Постановление ФАС Поволжского округа от 31.03.2011 по делу № А65-18093/2010.

[15] Пузыревский С.А. В России назрела необходимость определить правила применения антимонопольного законодательства к обладателям исключительных прав // Закон. 2016. № 2.

[16] Решение АС г. Москвы по делу от 15.03.2016 по делу А40-240628/2015.

[17] Семенов А. Комментарий к заметке Бахаевой А. «А были ли убытки...» // [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/5/20/a_byli_li_ubytki__delo_zao_mfpdk_biotek_protiv_kompanii_t.

[18] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI).

[19] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

[20] Фармацевтический вестник. Патент на конкуренцию // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/patent-na-konkurenciju.html#V4o9SvXkJDc>.

[21] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 27.07.2006. № 162.

[22] Federal Court of Justice № X ZR 26/92, 5 December 1995, BGHZ 131, 247.

[23] MCI v. ATT 512 U.S. 218; 114 S. Ct. 2223; 129 L. Ed. 2d 182 (1994).

[24] Otter Tail Power Co. v. United States, 331 F. Supp 54, 58 (D. Minn. 1971), 410 U.S. 366 (1973).

[25] Patentgesetz (zuletzt geändert durch Gesetz vom 31. Juli 2009).

[26] The Federal Court of Justice. Case № KZR 40/02. Judgment of 13 July 2004. BGHZ 160, 67.

[27] United States Code Title 35 – Patents.

Spisok literatury:

[1] Ageshkina N.A., Barinov N.A., Bevzyuk E.A., Belyaev M.A., Biryukova T.A., Vaxrusheva Yu.N., Grishina Ya.S., Zakirov R.Yu., Kozhevnikov O.A., Kop'ev A.V., Kuxarenko T.A., Morozov A.P., Morozov S.Yu., Serebrennikov M.M., Shadrina E.G., Yudina A.B. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii.

Chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (postatejny'j) // SPS «Konsul'tantPlyus». 2014.

[2] *Alekseev S.S., Vasil'ev A.S., Golofaev V.V.* i dr. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij). Chasti pervaya, vtoraya, tret'ya, chetvertaya (postatejny'j) / Pod red. S.A. Stepanova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt; Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2009.

[3] *Barkov A.V., Gabov A.V., Golubcov V.G.* i dr. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: Postatejny'j kommentarij k glavam 1–5 / Pod red. L.V. Sannikovej. M.: Statut, 2015.

[4] *Belov V.A.* Isklyuchitel'ny'e prava i konkurenciya // Zakonodatel'stvo. 2013. № 12.

[5] *Belova M.* Interesno devki plyashut, ili Eshhe raz pro ch. 4 st. 10 Zakona o konkurencii // [E'lektronny'j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2016/04/21/interesno_devki_plyashut_ili_esche_raz_pro_ch_4_st_10_zakona_o_konkurencii.

[6] *Vorozhevich A.S.* Usloviya prinuditel'nogo licenzirovaniya: mezhdunarodny'j i nacional'ny'j aspekt // Vestnik FAS Moskovskogo okruga. 2015. № 2.

[7] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.12.1994. № 32. St. 3301.

[8] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) // Parlamentskaya gazeta. 21.12.2006. № 214, 215.

[9] Internet-portal «Rossijskoj gazety'»: Prinuzhdeniya ne budet // [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://rg.ru/2016/05/17/v-rossii-ne-budut-vvodit-prinuditelnoe-licenzirovanie-lekarstv.html>.

[10] Issledovatel'skaya kompaniya «Abercade»: FAS nastai vaet na prinuditel'noj peredache patentov na lekarstva // [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.abercade.ru/research/industrynews/15499.html>.

[11] Konvenciya po oxrane promy'shlennoj sobstvennosti // Zakon. 1999. № 7.

[12] NP «FarmAkta. Kachestvo i Standarty'»: FAS podgotovila proekt zakona o prinuditel'nom

licenzirovanii // [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://pharmacta.ru/news.php?id=6249>.

[13] Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 06.10.2014 № 09AP-34696/2014 po delu № A40-42997/2014.

[14] Postanovlenie FAS Povolzhskogo okruga ot 31.03.2011 po delu № A65-18093/2010.

[15] *Puzy'revskij S.A.* V Rossii nazrela neobxodimost' opredelit' pravila primeneniya anti-monopol'nogo zakonodatel'stva k obladatel'nyam isklyuchitel'ny'x prav // Zakon. 2016. № 2.

[16] Reshenie AS g. Moskvy' po delu ot 15.03.2016 po delu A40-240628/2015.

[17] *Semenov A.* Kommentarij k zametke Baxaevoj A. «A by'li li uby'tki...» // [E'lektronny'j resurs]. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/5/20/a_byli_li_ubytki__delo_zao_mfpdk_biotek_protiv_kompanii_t.

[18] Soglashenie po torgovy'm aspektam prav intellektual'noj sobstvennosti // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 37 (prilozhenie, ch. VI).

[19] Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 04.01.2016. № 1 (chast' II). St. 212.

[20] Farmaceuticheskij vestnik. Patent na konkurenciyu // [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/patent-na-konkurenciju.html#V4o9SvxxjDc>.

[21] Federal'ny'j zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashhite konkurencii» // Rossijskaya gazeta. 27.07.2006. № 162.

[22] Federal Court of Justice № X ZR 26/92, 5 December 1995, BGHZ 131, 247.

[23] MCI v. ATT 512 U.S. 218; 114 S. Ct. 2223; 129 L. Ed. 2d 182 (1994).

[24] Otter Tail Power Co. v. United States, 331 F. Supp 54, 58 (D. Minn. 1971), 410 U.S. 366 (1973).

[25] Patentgesetz (zuletzt geändert durch Gesetz vom 31. Juli 2009).

[26] The Federal Court of Justice. Case № KZR 40/02. Judgment of 13 July 2004. BGHZ 160, 67.

[27] United States Code Title 35 – Patents.

